

НАДЕЛЕНИЕ УДЕЛЬНЫХ КРЕСТЬЯН РОССИИ ЛЕСНЫМИ УГОДЬЯМИ В 1797–1863 ГОДАХ: ПО МАТЕРИАЛАМ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА

П. П. Котов

Сыктывкарский государственный университет

Поступила в редакцию 21 марта 2012 г.

Аннотация: *раскрывается структура земельных угодий северных удельных крестьян и анализируется вовлеченность в хозяйственный оборот лесных и билетных земель. Акцентируется внимание на причинах и результатах наделения удельных крестьян региона лесными угодьями. Выявляется роль удельного ведомства в ограничении свободы лесопользования.*

Ключевые слова: *удельные крестьяне, структура земель, лесные угодья, лесопользование, билетные земли.*

Abstract: *the article shows the structure of a tsar family's peasants' grounds in the north of Russia. It gives an analysis of involvement into economic circulation of forests and booking grounds. The author focuses on reasons and results of a forest land allotment of a tsar family's peasants in the region. The article reveals the role of the tsar family's department in restriction of the forest exploitation.*

Key words: *a tsar family's peasants, structure of the grounds, forest grounds, forest exploitation, the booking grounds.*

В последнее десятилетие в России большое внимание уделяется проблеме обеспечения продовольственной безопасности, что является важным условием и для решения другой актуальной задачи – «сбережения населения». Поэтому вновь становятся актуальными исследования по аграрной истории. Многие столетия в нашей стране основным производящим классом выступало крестьянство, костяком производственной деятельности которого являлось земледелие. Его уровень, в свою очередь, во многом зависел от обеспеченности и способа распоряжения землей непосредственных производителей. Характер землепользования и землевладения в период господства феодальных отношений обуславливался в значительной степени принадлежностью крестьян к той или иной категории и различался по регионам огромной империи. Эти проблемы по удельной деревне России изучены недостаточно, особенно в отношении лесопользования крестьян. Без анализа обеспеченности и вовлеченности лесных угодий в хозяйственный оборот удельных крестьян нельзя объективно и полно отобразить их историю. С другой стороны, именно отсутствие такого анализа привело к закреплению в нашей историографии ошибочного положения о значительном расширении земельных наделов удельных крестьян лесной полосы в ходе отмены крепостного права по реформе 26 июня 1863 г. Дан-

ный вывод был обоснован еще в 1950–1960-х гг. [1; 2]. Материалы по удельной деревне Европейского Севера позволяют пересмотреть устоявшуюся точку зрения.

В первой половине XIX в. значительная часть удельных крестьян проживала на Севере страны, где они составляли не менее 11 % населения региона. Эта категория сельских жителей оформилась в России по закону от 5 апреля 1797 г., когда дворцовые владения преобразовывались в удельные [3, т. 24, № 17906]. Верховным собственником удельных владений и крестьян считалась царская семья, а непосредственное управление ими возлагалось на Департамент (министерство) уделов. На местах в 1797–1798 гг. были образованы девять удельных экспедиций, в том числе Архангельская, в которую вошли все бывшие дворцовые волости Севера России. По новому «Положению о Департаменте уделов» 1808 г. на Севере были созданы Архангельская и Вологодская удельные конторы (имения), в 1858 г. объединенные в Вельскую контору. Территории удельных экспедиций, впоследствии – контор, делились на приказы и отделения, которые функционировали на принципах крестьянского (общинного) самоуправления [3, т. 25, № 18423; т. 30, № 23020; 4, т. 33, № 33861].

В хозяйственный оборот «удельных поселян» Севера были вовлечены тягловые наделы, лесные, «билетные», покупные и оброчные угодья. Тягловые земли включали в себя те пашенные, сенокосные,

выгонные и усадебные участки, которыми крестьяне пользовались «от века», будучи еще дворцовыми. По мысли законодателя, доходы от тягловых угодий должны были лежать в основе существования крестьянских хозяйств. Их наличие служило основанием для обложения крестьян различными податями и повинностями. Наделы тягловой земли в расчете на душу были невелики и, по разным источникам первой половины XIX в., составляли не более 2,54 дес. в Архангельской и до 3,14 дес. в Вологодской губерниях [5, д. 67; 6, д. 3877; 7, д. 128; 8, д. 86–99]. Положение с недостаточными тягловыми наделами усугублялось низким качеством угодий, общинными переделами и, самое главное, политикой удельного ведомства.

Тягловые земли могли быть существенно расширены на Севере за счет леса. При переходе в удельное ведомство за дворцовыми крестьянами Вологодской губернии числились «во временном и общем владении» значительные лесные угодья – свыше 370 тыс. дес. или по 16 дес. на ревизскую душу, у крестьян Архангельской губернии их было мало – около 40 тыс. дес. или примерно по 2 дес. на душу [5, д. 67, л. 207 об. – 208]. Основные лесные массивы на Севере являлись бесспорной собственностью государства (казны). Оно законодательно регулировало все лесопользование крестьян. Сами дворцовые – удельные крестьяне – не различали свои и казенные леса, традиционно пользуясь и теми и другими довольно свободно наравне с государственными крестьянами. Здесь они пасли скот, охотились, заготавливали грибы, ягоды, дрова, занимались смолокурением и другими промыслами. Лес на Севере был неотъемлемой и органичной частью крестьянского хозяйственного цикла.

В 1798 г. большая часть казенных лесов Севера передается Адмиралтейству коллегии [3, т. 25, № 18423; 7, д. 80, л. 164 – 165 об.]. Введенные серьезные ограничения в лесопользовании коснулись, прежде всего, удельных крестьян Архангельской губернии. Они оказались в окружении «корабельных лесов» Адмиралтейств коллегии. Но продолжали лесопользование «на прежних основаниях» и массово нарушали новые правила [7, д. 79, ч. 1; д. 80; 9, д. 952, 2362]. Только в 1803 г. к штрафам и телесным наказаниям было приговорено 1180 удельных крестьян [7, д. 79, ч. 1, л. 176–181]. Эти события вынудили правительство создать «особую комиссию» министерства финансов. Она в 1809 г. выделила крестьянам Архангельской конторы около 477 тыс. дес. леса «в единственное временное пользование» и 611 тыс. дес. – «в общее пользование» с казенными и экономическими крестьянами [7, д. 80, л. 127, 166 об.; 9, д. 2362, л. 13]. Позже выяснилось, что реально отделили большую площадь лесов, соответственно – свыше 500 и 665 тыс. дес. [7, д. 81, л. 607–608 об.]. Главное, что крестьяне вновь получили право свободного ле-

сопользования, хотя леса оставались собственностью казны.

При создании земля выделялась уделу один раз. С другой стороны, закон от 5 апреля 1797 г. требовал: «Все земли Удельные привести в такое положение, чтобы каждому работнику – поселянину доставалось на тягло, кроме усадьбы и покосов, в трех полях, в каждом по 3 десятины» [3, т. 24, № 17906, с. 546]. Получается, что каждая ревизская душа должна была иметь только пашни по 9 дес. Выделить такие наделы ведомство не могло – большинство угодий, за исключением тягловых и других незначительных площадей земли, находились «во временном» или «спорном» с казной и помещиками владении. Однако к определенным действиям удел приступил и начал отделять крестьянам свои оброчные угодья. Но эту практику быстро свернули, так как размеры оброчных земель составляли малозаметную часть от потребности в пашне для исполнения закона. Немаловажно и то, что сокращались пусть и небольшие, но ежегодные дополнительные доходы удела от оброчных статей.

Поэтому Департамент уделов, не дожидаясь размежевания спорных земель, развернул бурную деятельность в другом направлении. Уже с начала XIX в. он, используя указы 1797–1799 гг. о наделении казенных крестьян «законной» пропорцией земли (8 дес. на ревизскую душу в «малоземельных» губерниях и 15 дес. – в «многоземельных»), требует подобного наделения для своих крестьян [3, т. 24, № 18256; т. 25, № 18591, 18633, 18676, 18925], естественно, за счет казенных угодий, не трогая своих оброчных земель. Настойчивость удела увенчалась некоторым успехом. Были приняты законы, по которым с 1801 г. удельные крестьяне Оренбургской, Саратовской и Симбирской губерний получали «законную» пропорцию земли [3, т. 25, № 18625; т. 26, № 19930].

Удельное ведомство не остановилось на достигнутом результате. И в новый Закон от 15 мая 1808 г. «О Департаменте уделов» вносится, что удельные крестьяне наравне с государственными наделяются «законной» пропорцией земли [3, т. 30, № 23020, с. 248]. Казна, обоснованно ссылаясь на неправомотность решений удела, отказывалась от продолжения практики наделения землей удельных крестьян за счет государственного фонда. Правда, была сделана, как казалось, небольшая уступка. В 1813 г. уделу предоставили право собственности на «въездные» лесные участки, которое с 1805 г. распространялось на помещиков [3, т. 28, № 21779; т. 32, № 25346]. Это положило начало лесным владениям удела и инициировало новую идею ведомства – за счет таких угодий обеспечить «законную» пропорцию земли удельным крестьянам, по формулировке чиновников, «лесной полосы». К названной полосе были отнесены Архангельская, Вологодская, Костромская, Новгородская,

Олонецкая и Псковская губернии. После длительных споров с казной удельное ведомство добивается принятия в 1827 г. «мнения» Государственного совета и указа Сената о наделении казенных и удельных крестьян Севера 15-десятиной пропорцией земли по числу душ V ревизии [6, д. 2010, л. 15–17].

К исполнению указанных решений приступили лишь в начале 1834 г., после закрепления их «высочайшим повелением» и указом Сената. Из казны передавались лесные дачи «единственного временного владения» удельных крестьян и выделялись приходящиеся на них «площади из спорных и общих лесов с помещиками и казной». При этом удельное ведомство добивается распространения указа Сената не только на удельных крестьян Севера, но и на всех своих «поселян» лесной полосы [4, т. 9, № 6814 ; 10, д. 35, 36, 42, 43]. К 1835 г. крестьянам Вологодской конторы уже официально было отмежевано 657 373 дес. леса, Новгородской – 569 190 дес. [10, д. 43, л. 70].

Однако процесс наделения удельных крестьян «законной» пропорцией земли в удельной деревне лесной полосы прерывается. Его дальнейшее затягивание объяснялось новыми, все возрастающими притязаниями Департамента уделов. Он стал требовать, чтобы угодья вымежевывались из расчета душ по VIII ревизии. По закону же предполагалось выделять землю на число душ, учтенных по V ревизии, что в государственной деревне, кстати, неуклонно соблюдалось. Следованию этим законным нормам призывало министерство финансов и другие государственные структуры. Департамент уделов и министерство императорского двора настаивали на своем. В конечном итоге казенные ведомства, внешне сохраняя соблюдение закона, уступили притязаниям удела. В 1838 г. было решено отделить всем удельным крестьянам лесной полосы земельные угодья по числу душ V ревизии. Но «назначено прибавить 1/5 часть на прибылые после ревизии души (3 дес.) и 1/10 (1,5 дес.) для отставленных и безсрочно – отпущенных солдат, исключив неудобные места и оброчные статьи» [7, д. 81, л. 608]. В результате вместо 15-десятиной нормы рассчитывалась 19,5-десятиная норма [7, д. 80, 81 ; 11, д. 1237 ; 12, д. 20010].

На достигнутом удельное ведомство не остановилось и под 19,5-десятиной нормой стало подразумевать «чистую» пашню. Естественно, казна не располагала таким количеством пашни и могла предложить только лесные площади. Государственные чиновники справедливо обосновывали более высокую их ценность по сравнению со всеми другими земельными угодьями. Удел придерживался прямо противоположного предоставления и настаивал, чтобы за 1 дес. «чистой» пашни засчитывали 3 дес. леса для смолокурения или 2 дес. смешанного и листовенного леса, или 1,5 дес. дровяного леса, или 1 дес. строе-

вого леса. Вопреки здравому смыслу все-таки возобладало мнение Департамента уделов [7, д. 80, 81 ; 11, д. 1237 ; 12, д. 20010].

В отличие от других регионов лесной полосы объединение лесов удельным крестьянам Архангельской губернии откладывалось в связи с дополнительными притязаниями удела. Он использует то, что в этой губернии все удельные крестьяне проживали в одном Шенкурском уезде, составляя свыше 90 % его жителей. Напомним, что по результатам комиссии министерства финансов в 1809 г. им выделили в «единственное временное» и «общее пользование» свыше 1 млн дес. Поэтому удел начинает требовать для крестьян, отделив 200 тыс. дес. строевого леса казне, все лесные дачи Шенкурского уезда [13, д. 23330, л. 1–37 об.]. Свои «суждения» ведомство подкрепляло обоснованными резонами о благополучии крестьян, хотя в реальности преследовало совершенно иную цель. Оно вдруг «вспомнило», что дворцовые – удельные крестьяне уезда всегда довольно свободно пользовались казенными лесами, эксплуатация которых составляла неотъемлемую и органичную сторону их жизнедеятельности. В таком случае, по его мнению, «узаконенная норма будет для удельных крестьян недостаточна» и приведет «к упадку крестьянского хозяйства» [7, д. 80, л. 298]. Доводы Департамента уделов вновь перевесили аргументы казенных ведомств. На его условиях с 1848 г. началось отмежевание лесных дач в Архангельской губернии, и в 1852 г. первые из них стали передаваться в пользование крестьян [7, д. 81, л. 579–621 ; 10, д. 63, л. 85].

В течение 1840 – начала 1860-х гг. размеры выделяемых удельным крестьянам лесной полосы угодий неоднократно варьировались как в сторону увеличения, так и в сторону уменьшения. В некоторых случаях происходило их уточнение в процессе отмежевания. Но главным являлось то, что удельные и государственные чиновники неоднократно расходились во мнении, к какому из четырех типов относить те или иные лесные участки, поскольку от этого зависела площадь отделяемых лесов. Так, за удельными крестьянами Вологодской губернии в 1854–1857 гг. считалось 1315 тыс. дес. леса, в 1858 г. – почти 1247 тыс. дес. В Новгородской конторе в 1852–1857 гг. лесные дачи определялись в 597 тыс. дес., в 1849–1851 и 1858 гг. – более чем в 727 тыс. дес. [10, д. 58, 60, 62, 63, 65, 66, 68–70].

Окончательную величину угодий для «поселян» лесной полосы установили лишь накануне отмены крепостного права в удельной деревне в 1863 г. В пользование удельных крестьян Архангельской губернии закрепили более 1,5 млн дес. удобной лесной площади или 61,1 дес. на ревизскую душу; в Вологодской губернии – почти 1,2 млн дес. или 31,7 дес.

на душу [12 ; 14, д. 2182, л. 1 об. – 6]. Да и в других регионах лесной полосы крестьянам были отмежеваны значительные угодья, например за крестьянами Новгородской удельной конторы закреплялось свыше 665 тыс. дес. леса [10, д. 76, л. 140].

Важнейшим моментом является то, что государство выделило лесные дачи для удельных крестьян северных и других губерний лесной полосы в качестве тягловых угодий. Отныне право пользования (захватное право) крестьян подкреплялось правом закона на отмежеванные им лесные дачи. Правда, крестьяне не знали о «лесных» перипетиях и даже не подозревали об изменении статуса окружающих лесов в свою пользу. На Севере они, как до них и дворцовые крестьяне, всегда рассматривали тягловые земли и лес как единое целое, как земельные угодья, с которых они платят налоги, и поэтому как свои земли.

По логике удельное ведомство должно было сразу передавать в пользование крестьян полученные лесные дачи в качестве тягловых земель, что и происходило в государственной деревне. Однако оно по-прежнему причисляло к тягловым землям только те усадебные, пашенные и сенокосные угодья, которые были у крестьян изначально. Удел считал отводимые леса своей собственностью. Хотя, понимая незаконность притязаний, до реформы 1863 г. не ввел их в свои «оброчные» угодья, т.е. не включил в систему арендных отношений. Более того, в 1850-х гг. чиновники удельных контор лесной полосы в отчетах и рапортах отмежеванные лесные дачи засчитывали в крестьянских наделах. Типичной (за исключением собственно площади угодий) в эти годы являлась, например, формулировка чиновников Новгородской конторы – «во владении удельных крестьян состояло земли свыше 771 тысячи десятин». Данные чиновники наряду со 116,5 тыс. дес. тягловых земель в крестьянские наделы включали и 655 тыс. дес. отмежеванных лесов [15, д. 1020, л. 5 об.].

Удельные крестьяне Севера до наделения их лесными дачами платили казне за отдельные виды пользования лесами пошлины и сборы. Их суммы были невелики. При этом крестьяне пользовались еще и льготами. Так, за вырубку определенного ко-

личества деревьев на дрова, ремонт домов и хозяйственных построек плата не взималась, на некоторое количество леса сверх этой нормы существовала льготная такса оплаты. За ведение в лесах смолокурного и других видов промысла плата была также разумной, иногда – символической. По идее, после получения леса в свое пользование удельные крестьяне Севера освобождались от указанных выплат, поскольку лесные угодья предназначались для увеличения тягловых земель с целью улучшения экономического положения крестьян, своевременной и полной выплаты государственных, удельных и прочих податей и налогов. Но Департамент уделов не отменил, а перевел лесные сборы на себя, обозначив смену владельца угодий (табл.).

Данные таблицы показывают, что среднегодовые лесные доходы удела с 80 971 руб. за 1835–1843 гг. умножились до 366 257 руб. за 1859–1864 гг., или в 4,5 с лишним раза [10, д. 43–76]. Эти же доходы по Европейскому Северу страны возросли с 4063 до 123 920 руб., или почти в 30,5 раза. Понятно, что доля последних в общей сумме всех лесных доходов удела также увеличились – с 5,0 % в 1835–1843 гг. до 42,1 % в 1853–1858 гг. и в 1859–1864 гг. установилась примерно на одной трети.

Конечно, не все отраженные в таблице суммы лесного дохода выплачивались крестьянами, и их умножение означало адекватное возвышение сборов с удельных «поселян». Напомним, что лесные площади отмежевывались не сразу все, они расширялись и уточнялись в течение времени. С другой стороны, удел стал усиливать продажи леса «сторонним предпринимателям». Поэтому его лесные доходы в основном возрастали за счет увеличения отводимых лесных массивов и усиления их эксплуатации. В этом случае Департамент уделов поступал нечестно. По идее, если лесные дачи предоставлялись в пользование крестьянам, тогда и доходы от них должны были поступать крестьянам.

Сами удельные крестьяне Севера не только не получили никакой выгоды от описанных перемен, но и проиграли в сравнении с «казенным периодом» лесопользования. В их угодьях удел начал сокращать

Т а б л и ц а

Лесные доходы удельного ведомства в 1835–1864 гг. (в среднем за год по периодам в руб. сер.).

Годы	Всего по уделу	Архангельская губерния	Вологодская губерния	Итого по губерниям	
				руб.	% от всего по уделу
1835–1843	80 971	0	4063	4063	5,0
1844–1852	115 105	0	6080	6080	5,3
1853–1858	171 332	36 815	35 256	72 071	42,1
1859–1864	366 257	данные отсутствуют		123 920	33,8

для них же льготы и вводить некоторые новые сборы, особенно на Севере. Тем самым удельные крестьяне также вносили лепту в возвышение лесных доходов удела.

Достаточно ярко вмешательство удела в крестьянское лесопользование проявилось в отношении к лесным расчисткам. Крестьяне Севера, в том числе дворцовые – удельные традиционно, «от века» практиковали подсечное и переложное земледелие в казенных лесных дачах [6, д. 1171, л. 4–6; 9, д. 2068, л. 1–2; 10, д. 14, л. 15–18; 11, д. 2267, л. 79–81]. Правительство пыталось упорядочить систему лесных расчисток и предохранить леса от самовольных порубок и пожаров, неизбежных при ведении подсечного и переложного земледелия.

По указу от 15 декабря 1820 г. казенным крестьянам Архангельской губернии позволили расчищать под пашни и сенокосы участки «с краю лесов» или «где некачественные деревья» [5, т. 37, № 28497]. Для этого достаточно было бесплатно оформить у местного форштмейстера (лесничего) билет (письменное разрешение), т.е., по сути, ввели заявительную систему на расчистки. Разработанными участками крестьянин пользовался индивидуально и бесплатно 40 лет «неотъемлемо» и с правом наследования. В законе оговаривалось, что «в вознаграждение трудов не запрещается ему (крестьянину. – *К. П.*) и наследникам его землю сию отдавать из оброка, кому пожелают», т.е. разрешалось сдавать такие угодья в аренду [5, т. 37, № 28497, с. 533]. По истечении 40 лет «билетная земля» (по последующей формулировке удельных чиновников) передавалась в качестве тягловой «во владение всей волости» и включалась в общинные переделы. Поэтому «билетные земли» крестьянин не мог «ни продать, ни заложить и ни в какие крепости ни за кем укрепить» [там же].

В октябре 1821 г. нормы о «билетных землях» распространили на казенных крестьян Вологодской губернии, а позже и на удельных крестьян обеих северных губерний [5, т. 37, № 28793]. Однако удельные крестьяне Вологодской губернии не смогли воспользоваться такой нормой. Их селения вскоре оказались в окружении «своих» лесов, на которые, по мнению удела, указы о «билетных землях» не распространялись. В Архангельской губернии, где до 1852 г. удельные крестьяне пользовались казенными лесами, «билетные земли» имелись: к началу 1840-х гг. они составляли 477 дес. пашни и 595 дес. сенокоса [16, д. 807, л. 1–127]. Но и здесь в 1857 г., еще при отмежевании лесов, удел запретил расчистки. К этому времени они уже расширились до 2137 дес. пашни и 2665 дес. сенокоса [8]. Однако удел и эти земли стал считать своими, некоторое время не меняя практику пользования ими. По закону от 26 июня 1863 г. их открыто объявили собственностью удела, что было

дополнительно подтверждено специальным указом от 23 июня 1864 г. [6, т. 38, № 39792; т. 39, № 41003]. Поэтому в ходе отмены крепостного права предоставление части «билетной земли» в надел крестьянам удел засчитывал в качестве прирезки (!).

Случай с «билетными землями» в удельной деревне Севера отражал во многом парадоксальную и абсурдную ситуацию. Выходило, что пока леса были казенными, т.е. юридически чужими для удельных крестьян, льгота на лесные расчистки распространялась на них. Как только эти же лесные дачи отмежевались самим удельным крестьянам – льгота отменялась. Более того, уже расчищенные крестьянами земли, которые оказались внутри выделенных им лесных угодий, становились собственностью удела. Как следствие – начинаются многочисленные самовольные расчистки [7, д. 1849, 1850, 1953, 2265]. Только за 1860–1862 гг. в 4 удельных приказах Вологодской губернии у 659 крестьян было выявлено самовольно расчищенной и давно эксплуатируемой пашни около 246 дес. [6, д. 386, л. 2 – 12 об.]. В ходе отмены крепостного права 1863–1869 гг. в удельной деревне Архангельской губернии было обнаружено 969 дес. земли, самовольно расчищенной и официально не учтенной [7, д. 1849–1854, 2265; 8].

Еще сложнее уделу было справиться с подсечным и переложным земледелием, которые продолжали практиковать, несмотря на наличие «билетных земель» даже удельные крестьяне Архангельской губернии. О распространении переложной системы говорят следующие факты: в 1853 г. в Благовещенском приказе Архангельской конторы на ревизскую душу приходилось пашни 1,7 дес. и 0,3 дес. перелога [7, д. 80, л. 19]; в 1854 г. в Устьпаденском приказе – пашни 1,4 дес. и 0,5 дес. перелога [7, д. 81, л. 423]. Во время реформы 1863 г. крестьянам Вологодской губернии Спасского приказа Верхней и Нижней Спасской волости и Едемской волости было предложено взять за дополнительную плату 10 023 дес. (по 5,7 дес. на душу) земли, бывшей когда-то под перелогом; крестьянам Лохотской волости – 1388 дес. (по 2,1 дес. на душу); крестьянам Верховской волости – 2859 дес. (по 3,1 дес. на душу), всего по приказу – 18 тыс. дес. Крестьянам Шевденицкого приказа предлагалось около 13 тыс. дес. такой земли [7, д. 1850, л. 42 об. – 43, 911 об. – 912].

Таким образом, в удельной деревне ощущался недостаток тягловых наделов крестьян. Поэтому на Европейском Севере России в хозяйственный оборот удельных крестьян органично были вплетены лесные угодья. Лес в регионе играл огромную роль в промыслах крестьян, а значит, и в получении денежных средств по уплате податей. Он давал дополнительный хлеб от ведения переложного и подсечного земледелия, был резервом для расширения пашенных и се-

нокосных угодий и практически единственным местом выпаса скота. Используя этот фактор и нормы о наделении крестьян законной пропорцией земли, удельное ведомство добилося от казны отмежевания больших лесных массивов в губерниях лесной полосы. Лесные угодья ведомство вопреки закону стало рассматривать в качестве своей собственности. По сравнению с казной оно начало ужесточать правила пользования лесами для тех, кому они были отъединены – для удельных крестьян.

Данное важное обстоятельство не учитывается при оценке итогов реформы 1863 г., особенно по губерниям лесной полосы. Исследователи, по сути, оказались солидарны с позицией Департамента уделов и причисляют к прирезкам предоставление удельным крестьянам небольшой части их же лесов и «билетных земель». В реальности речь следует вести о значительных отрезках крестьянских угодий [17].

ЛИТЕРАТУРА

1. Богатикова Г. И. Реформа 26 июня 1863 г. в удельной деревне / Г. И. Богатикова // Исторические записки. – 1958. – Т. 63. – С. 81–123.
2. Зайончковский П. А. Отмена крепостного права в

России / П. А. Зайончковский. – М. : Просвещение, 1968. – 368 с.

3. Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. – СПб., 1830. – Т. 1–45.

4. Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе. – СПб., 1830–1884. – Т. 1–55.

5. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 515. – Оп. 5.

6. РГИА. Ф. – 515. – Оп. 10.

7. РГИА. – Ф. 515. – Оп. 34.

8. РГИА. – Ф. 515. – Оп. 74.

9. Государственный архив Архангельской области. – Ф. 4. – Оп. 7.

10. РГИА. – Ф. 515. – Оп. 1.

11. РГИА. – Ф. 515. – Оп. 15.

12. РГИА. – Ф. 387. – Оп. 2.

13. РГИА. – Ф. 515. – Оп. 18.

14. РГИА. – Ф. 515. – Оп. 71.

15. Государственный архив Новгородской области. – Ф. 138. – Оп. 1.

16. РГИА. – Ф. 515. – Оп. 16.

17. Котов П. П. О земельном обеспечении бывших удельных крестьян по реформе 1863 г. / П. П. Котов // Буржуазные реформы в России второй половины XIX в. – Воронеж : Воронежский ун-т, 1988. – С. 54–63.

Сыктывкарский государственный университет

Котов П. П., кандидат исторических наук, профессор кафедры истории России и зарубежных стран

E-mail: kotovpetr55@mail.ru

Тел.: 8-922-271-14-79

Syktvkar State University

Kotov P. P., Candidate of History Sciences, Professor of the Department of Russian and Foreign Countries History

E-mail: kotovpetr55@mail.ru

Tel.: 8-922-271-14-79